

Джош Малерман

Джош Малерман

ПТИЧИЙ КОРОБ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М18

Josh Malerman
BIRD BOX

Перевод с английского А. Ахмеровой
Компьютерный дизайн Е. Ферез

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Малерман, Джош.

М18 Птичий короб : [роман] / Джош Малерман ; [пер. с англ. А. Ахмеровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-112169-3

Оно ждет тебя за порогом. Оно... нечто ужасное, нечто такое, чего ни в коем случае нельзя разглядывать. Потому что один лишь взгляд на это существо? устройство? человека? грозит безумием и гибелью.

Человечество перестало существовать. Горстка выживших прячется в заброшенных домах с заколоченными окнами, не решаясь выйти наружу. Мэлани, мать-одиночка с двумя детьми, решает наконец бежать из своего дома-тюрьмы — бежать туда, где, по слухам, еще есть люди, туда, где безопасно.

Ей предстоит ужасное испытание: двадцать миль вниз по реке в ненадежной лодке, с завязанными глазами, полагаясь лишь на острый слух ее малышей. Четырехлетних детей, которые росли и учились различать звуки в темноте маленьких душевных комнат.

Одно неверное движение — и они обречены. Кто-то ходит рядом, кто-то постоянно следит за ними — обычное животное или монстр?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Josh Malerman, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-112169-3

Глава 1

МЭЛОРИ СТОИТ НА КУХНЕ и размышляет. Руки мокрые. Она дрожит. Носком нервно стучит по растрескавшейся плитке на полу. Еще очень рано, солнце, наверное, только выглянуло из-за горизонта. Слабый свет разбавляет черноту штор. «Туман же был», — думает Мэлори.

Дальше по коридору, под мелкой проволочной сеткой, накрытой черной тканью, спят дети. Они наверняка слышали, как несколько минут назад Мэлори ползала на коленях по двору. Микрофоны ловят каждый шорох, передают на усилители у кроватей.

Руки чуть поблескивают в пламени свечи — мокрые, утренняя роса еще не высохла. Мэлори делает глубокий вдох и задувает свечу. Оглядывает кухоньку, подмечая ржавые кастрюли и треснутые тарелки. Вот коробка, которая служит мусорным ведром. Вот стулья, многие

держатся только благодаря веревке. Стены грязные, со следами детских рук и ног. Есть и старые пятна. Снизу стены выгорели, багровый цвет от времени побурел. Багровый — это пятна крови. Ковер в гостиной тоже выцветает, хоть Мэлори за ним и ухаживает. Чистящих средств в доме не осталось. Давным-давно Мэлори наполняла ведра водой из колодца и оттирала пятна по всему дому. Пятна не поддавались, даже самые бледные: посветлели, но полностью не свелись. Коробка со свечами прячет пятно в прихожей. Диван в гостиной повернут под нелепым углом. Его придвинули туда, чтобы замаскировать два подтека, напоминающие Мэлори волчьи головы. На втором этаже стопка заплесневевших половиков скрывает багровые царапины, вьёвшиеся в основание стены у чердачной лестницы. Еще через десять футов самое темное пятно в доме. Мэлори не в силах перешагнуть через него и той частью второго этажа почти не пользуется.

Когда-то и сам дом, и район Детройта, в котором он находится, считались хорошими. Когда-то дом называли семейным гнездом, уютным и безопасным. Еще десять лет назад любой риелтор с гордостью показывал бы такой. Сейчас окна закрыты картоном и досками. Водопровод не работает. У кухонного стола — большое деревянное ведро. Пахнет из него тухлятиной. У детей нет нормальных игрушек. Вместо кукол обструганные ножки деревянного стула с нарисованными лицами. В шкафах пусто. На стенах нет картин. Провода тянутся из-под двери черного хода к комнатам первого этажа, там есть усилители, изве-

щающие Мэлори и детей о любом звуке извне. Так они втроем и живут. Из дома надолго не выбираются, во время коротких вылазок закрывают глаза повязками. Дети никогда не видели внешний мир даже через окна. Мэлори не видела его четыре с лишним года. Четыре года!

Не обязательно принимать решение сегодня. В Мичигане октябрь. Детям будет тяжело проплыть двадцать миль по реке. Они еще маленькие. А если один из них случайно упадет в воду? Что тогда делать Мэлори, с закрытыми-то глазами?

«Несчастный случай — доля ужасная, — думает Мэлори. — После долгой борьбы за выживание глупо становится жертвой несчастного случая».

Она смотрит на шторы и начинает плакать. Хочется накричать на кого-нибудь. Хочется кому-нибудь пожаловаться. «Это несправедливо! — посетовала бы она. — Это жестоко».

Мэлори оглядывается на порог кухни, на коридор, ведущий в детскую. За дверным проемом без двери крепко спят дети. Они накрыты черной тканью, спрятаны даже от света. Не шевелятся, не показывают, что проснулись. А ведь, может, они ее слушают. Сколько на них ответственности, сколько нагрузок на маленькие уши! Порой Мэлори кажется, что дети слышат, как она думает.

Можно дождаться солнца, тепла, лучших условий для поездки. Можно поговорить с детьми и выслушать их. Они сумеют подать ценные идеи. Четырехлетки, а слушать научились. Они с лодкой подсобят, грести-то придется вслепую. Без них Мэлори по реке

не сплавиться. Ей нужны их уши. Можно положить-ся на совет детей? Способны четырехлетки подсказывать, когда лучше навсегда уйти из дома?

Мэлори тяжело опускается на кухонный стул и борется со слезами. Босой ногой она отбивает такт по линиялому линолеуму, потом медленно поднимает голову: вон лестница, ведущая на чердак. Однажды она говорила там с женщиной по имени Том о мужчине по имени Дон. Вот раковина: к ней Дон однажды принес ведра колодезной воды. Он дрожал от страха, выйдя из дома. Если чуть податься вперед, видна прихожая, где Шерил когда-то готовила корм для птиц. Между ней и входной дверью — гостиная, где слишком много разных воспоминаний о разных людях.

«Четыре года», — думает Мэлори и едва не стучит кулаком по стене. Четыре года незаметно перерастут в восемь, восемь — в двенадцать. Потом дети станут взрослыми. Взрослыми, которые никогда не видели небо. Которые никогда не смотрели в окно. Что станет с их разумом, если двенадцать лет растить их, как телят? Есть ли смысл их так растить? Есть ли смысл жить людям, которым небо — фантастика, а безопасно лишь дома, с плотной повязкой на глазах?

Мэлори тяжело сглатывает и представляет, как будет растить детей одна, пока они не станут подростками.

А она сумеет? Сумеет защищать их еще десять лет? Сумеет направлять и оберегать их, чтобы со временем они оберегали ее? Только ради чего? Ради какой жизни она их бережет?

«Ты плохая мать», — думает Мэлори.

Плохая, потому что не показала им бескрайнее небо. Потому что не дала им шанса свободно бегать по двору, по улице, по району с его пустыми домами и обшарпанными автостоянками. Потому что не позволила им хоть раз увидеть ночь, в волшебный момент, когда ее озаряют звезды.

«Ты бережешь детей для жизни, которую не стоит жить».

Сквозь слезы Мэлори замечает, что за шторами еще немного посветлело. Наверно, там туман, и он очень скоро рассеется. Если рассчитывать, что туман поможет, укроет их по пути к реке, по пути к лодке, то детей нужно будить сейчас.

Мэлори стучит кулаком по столу и вытирает слезы.

Из кухни она коридором идет в детскую.

— Мальчик! — кричит она. — Девочка! Вставайте!

В детской темно. Единственное окно завешено одеялами. Их столько, что даже когда солнце в зените, в комнату его лучи не проникают. У каждой стены по матрасу, над ними черные купола. Когда-то сетка, которая удерживает ткань, огораживала садик у колодца за домом. Последние четыре года она служит броней и защищает детей не от того, что может увидеть их, а от того, что могут увидеть они. Мэлори опускается на колени, чтобы ослабить провод, прикрепленный к гвоздям на двери детской, и слышит шорох. Лица у детей сонные, удивленные, но Мэлори уже достает из кармана повязки.

— Мама?

— Скорее вставайте! Мама торопится.

Дети не мешкают. Никаких капризов и слез.

— Куда мы идем? — спрашивает Девочка.

— Надевай! — велит Мэлори, протягивая ей повязку. — Мы идем к реке.

Оба плотно прикладывают черную ткань к глазам и завязывают концы. Оба в этом деле мастера, эксперты, если четырехлетки бывают в чем-то экспертами. У Мэлори сердце разрывается. Они только дети. Где же любопытство, где бесконечные «зачем» и «почему»? Почему они уходят из дома сегодня? Почему к реке, которую они прежде не видели?

Никаких вопросов. Дети безропотно слушаются.

Сама Мэлори повязку пока не надевает. Сперва нужно собрать детей.

— Возьми свой пазл, — говорит она Девочке. — Оба возьмите одеяла.

Волнение Мэлори необъяснимо и очень напоминает истерику. Мэлори бродит по комнатам, собирает вещи, которые могут им понадобиться. Она вдруг чувствует себя совершенно неготовой, страшно уязвимой, слово дом и земля исчезли, оставив ее наедине с внешним миром. В море паники не дает утонуть одна-единственная мысль. Повязки! Что бы она ни взяла с собой, что бы из вещей ни сделала оружием, самая надежная защита — это повязки.

— Возьмите одеяла! — напоминает Мэлори детям, слышит, как они собираются, и возвращается к ним, чтобы помочь.

Мальчик для своего возраста мелковат, зато вынослив, чем Мэлори очень гордится. Он решает, которую из двух рубашек надеть. Обе очень велики ему.

Когда-то их носил взрослый мужчина, которого давно нет в живых. Она сама выбирает рубашку и смотрит, как темная макушка Мальчика ныряет в горловину, потом выныривает наружу. Даже среди кутерьмы Мэлори подмечает, что за последнее время Мальчик вырос.

Девочка, для своих лет средненькая, натягивает через голову платье, которое они с Мэлори сшили из старой простыни.

— Девочка, на улице холодно, — говорит Мэлори. — В платье ты замерзнешь.

Девочка хмурится. Белокурые волосы взъерошены: она ведь недавно проснулась.

— Мама, я и брючки надену. Еще мы берем одеяла.

Мэлори сердится. Споры ей не нужны. Только не сегодня. Хоть Девочка и права.

— Сегодня ты платье не наденешь.

Внешний мир с пустыми моллами и ресторанами, с брошенными машинами, с ненужным товаром на пыльных прилавках давит на дом, шепчет, напоминая об участи его обитателей.

Мэлори забирает куртку из спальни, которая чуть дальше детской по коридору. Выходит из комнаты, понимая, что порог ее больше не переступит.

— Мама, велосипедные звонки брать? — спрашивает Девочка.

Мэлори делает глубокий вдох и отвечает:

— Нет, мы будем вместе от начала до конца путешествия.

Девочка возвращается в детскую, а Мэлори думает о велозвонках, любимом развлечении своих ма-

лышей. Жалкое развлечение. Со звонками они играют не первый год, чуть ли не с рождения звонят и гудят на весь дом. Мэлори, бывало, злилась, но звонки не отнимала и не прятала. Даже в первые, мучительные дни материнства — никогда. Мэлори всегда понимала: при такой жизни все, что веселит детей, — благо.

Даже когда звонки пугали Виктора.

Как же Мэлори не хватает этого пса! Свыкаясь с ролью матери-одиночки, она частенько представляла, что отправится по реке вместе с Виктором, что бордер-колли будет сидеть в лодке рядом с ней. Подкрадись зверь, Виктор залаял бы, а то и спугнул бы незваного гостя.

— Ну вот, — объявляет Мэлори, снова появляясь в дверях детской. — Мы готовы. Пора идти.

Не раз и не два, безмятежными полуднями и бурными вечерами, Мэлори предупреждала, что этот день наступит. Да, она уже говорила с детьми о реке, о путешествии. Побегом она не называла его намеренно: нельзя, чтобы дети росли с мыслью, что нужно от чего-то бежать. Нет, она предупреждала, что однажды утром разбудит их, попросит быстро собраться и они навсегда уйдут из дома. Разумеется, они слышали неуверенность в ее голосе, как слышат паука, крадущегося по завешенному окну. Годами она держала в буфете мешок с едой, а когда съестное портилось, неизменно заменяла свежим. Мэлори считала это наглядным, вещественным доказательством того, что она не сказки рассказывает, что однажды они действительно оправятся в путь. «Видите, — говори-

ла она, опасливо поправляя одеяла на окнах, — еда в буфете. Это часть нашего плана».

И вот этот день пришел. Утро настало. Час пробил. Туман сгустился.

Мальчик и Девочка подходят к ней. Мэлори опускается на колени и проверяет повязки: вроде сидят плотно. Именно в этот момент, глядя то на одно личико, то на другое, Мэлори понимает, что путешествие наконец началось.

— Послушайте! — говорит она, хватая детей за подбородки. — Сегодня мы отправляемся в путешествие по реке. Может, оно получится долгим. Очень важно, чтобы вы оба меня беспрекословно слушались. Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

— На реке холодно. У вас есть одеяла. У вас есть повязки. Сегодня вам больше ничего не нужно. Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

— Повязки не снимать ни в коем случае. Если снимете, я вас накажу. Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

— Вы должны слушать. Вы оба должны слушать очень-очень внимательно. На реке вы должны слушать не только плеск воды и шум деревьев в лесу. Если услышите зверя в лесу, немедленно скажите мне. Если услышите что-то необычное в воде, немедленно скажите мне. Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

— Не задавайте вопросов, которые не связаны с рекой. Ты, — она касается плеча Мальчика, — сядешь впереди. А ты, — она касается плеча Девочки, — сзади. Когда спустимся к лодке, я посажу вас как нужно. Сама я сяду посередине и буду грести. В лодке никаких разговоров, только если услышите что-то в лесу или в воде. Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

— Мы не остановимся ни за что. Лишь когда доберемся до места. Я сама вам об этом скажу. Если проголодаетесь, ешьте из этого мешка. — Мэлори прижимает мешок с едой к их ладошкам. — Не засыпайте, ни в коем случае не засыпайте. Сегодня ваши уши нужны мне, как никогда.

— А микрофоны мы возьмем? — спрашивает Девочка.

— Нет.

Мэлори переводит взгляд с одного закрытого повязкой личика на другое.

— Мы пойдем по тропе к колодцу, держась за руки. В лесу, сразу за нашим домом, есть полянка. Тропа к реке заросла. Держась за руки, идти, может, и не получится. Если так, цепляйтесь за мою куртку или за куртки друг друга. Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

Она их напугала?

— Послушайте, сегодня мы отправимся туда, где вы никогда не были. Мы уйдем от дома дальше, чем

вы прежде уходили. На улице есть те, кто обидит вас и вашу маму, если слушаетесь меня.

Дети молчат.

— Вам ясно?

— Да, мама.

— Да.

Мэлори хорошо их подготовила.

— Нам пора, — объявляет она и слышит в своем голосе истерические нотки. — Нам пора идти. Пора!

Мэлори касается лбом детских головок, берет Мальчика и Девочку за руки и быстро ведет на кухню. Там вытирает слезы и, дрожа, вытаскивает из кармана свою повязку, плотно прикладывает ее к глазам и завязывает поверх длинных темных волос. Замирает она, уже коснувшись дверной ручки. За дверью дорожка, которой Мэлори бесчисленное множество раз ходила к колодцу.

Сейчас она уйдет из дома навсегда. Близость этого момента ошеломляет Мэлори.

Когда она распахивает дверь, в лицо веет свежий ветер. Мэлори делает шаг вперед, а в голове все путается от страха. Такие мысли при детях озвучивать нельзя. Язык заплетается, Мэлори едва не срывается на крик:

— Держите меня за руки, оба!

Мальчик берет ее за левую руку, Девочка сжимает крошечными пальчиками правую.

В повязках, они втроем выходят за порог.

Колодец в двадцати ярдах от дома. Тропка выложена деревяшками, бывшими багетами. Мальчик и Девочка ходили по ним босиком бесчисленное множество раз.

